

В отличие от других общественных наук в экономической науке всегда существовало господствующее основное течение — мейнстрим, которое хотя и не обладало полной монополией на истину, но явно лидировало в научном сообществе и часто оказывало значительное влияние на экономическую политику. Среди теоретических направлений, имевших основания претендовать на статус мейнстрима, преобладали базирующиеся на предпосылках методологического индивидуализма и рационального поведения классическая и маржиналистская (неоклассическая) теории. Но бывали и периоды, когда на первое место выходили теории менее абстрактного уровня, как, например, американский институционализм в 1930-е годы.

Экономическая теория, по крайней мере начиная с маржиналистской революции, резко повысившей уровень абстракции, на котором работают экономисты-теоретики, имеет известный иммунитет к эмпирическим проверкам. Последние чаще всего не могут «дотянуться» до твердого ядра теории, состоящего из предпосылок рационального максимизирующего поведения и равновесного (т.е. оптимального для всех) состояния мира. Экономические кризисы большого масштаба представляют собой вызов для очередного мейнстрима. Цепная реакция сомнения охватывает вначале макроэкономическую политику, неадекватность которой представляется очевидной, затем макроэкономическую теорию, на которую логично было бы возложить ответственность за провалы политики, и наконец, методологические предпосылки мейнстрима в целом, включая и, казалось бы, ни в чем не повинную микроэкономику.

В этом докладе хотелось бы рассмотреть два серьезных кризиса капиталистической экономики: кризис 1973–1974 гг., возникший под влиянием нефтяного шока, и последний кризис 2008–2009 гг., на смену которому до сих пор никак не придет долгожданный подъем.

В результате первого из этих кризисов произошел распад сложившегося еще в 1940-е годы мейнстрима экономической теории, получившего название «великого неоклассического синтеза» — двухэтажной постройки, состоящей из неоклассической микроэкономики и кейнсианской макроэкономики, на которую опирался, в свою очередь, основанный на кейнсианских рецептах «третий этаж» — макроэкономическая политика. При этом связь между первым и вторым этажами практически отсутствовала — макроэкономика не имела ми-

кроснований, т.е. считалось, что макроэкономические феномены порождаются на уровне взаимодействия агрегатов (совокупных сбережений, инвестиций, потребительского спроса и т.д.) и не могут быть выведены из поведения отдельных экономических агентов. Макроэкономические потрясения, которые наиболее коротко можно обозначить одним словом «стагфляция», продемонстрировали неэффективность экономической политики стимулирования совокупного спроса, основанной на кейнсианской макроэкономике. Поэтому вполне объяснимо, что именно второй макроэкономический этаж тогдашнего мейнстрима подвергся особенно жестокой критике и был демонтирован, хотя следует отметить, что на долю первого этажа в то время также досталось немало критики за математический формализм и отрыв от реальности. В то время резко повысилась активность критически настроенных методологов и экономистов, представляющих гетеродоксальные (альтернативные) направления экономической науки, и могло создаться впечатление, что пробил последний час неоклассического формализма. Однако из кризисных испытаний середины 1970-х годов мейнстрим экономической теории вышел гораздо более однородным, чем был ранее: на место кейнсианской пришла так называемая *новая классическая макроэкономика*, которая прочно опиралась на неоклассический микрофундамент и строилась на основе моделей репрезентативного индивида. В макроэкономике закрепились рациональные субъекты и равновесные модели (даже таких, ранее считавшихся имманентно неравновесными явлений, как экономический цикл и инфляция).

Итак, неоклассическому подходу покорилась область макроэкономического анализа. Такой результат трудно было назвать предопределенным – из недостатков кейнсианской теории отсутствие микрооснований никак не было самым очевидным. Оно было бы весомым недостатком, если бы упомянутые микрооснования были подтверждены эмпирически. Например, важнейшее направление критики основывалась на том, что кейнсианцы недооценивали рациональность ожиданий экономических субъектов, которые на самом деле пронизательно распознавали инфляционную природу государственной стимулирующей политики. Но этот тезис не мог иметь статуса эмпирической закономерности. Так, в качестве противоположного свидетельства мы можем сослаться на исследование Филиппа Бромилли, изучавшего в то время принятие инвестиционных решений в американских корпорациях и выяснившего, что даже в период «галопирующей» инфляции эти решения принимались исходя из предпосылки о неизменном уровне цен. (Смена рутин была настолько дорогостоящей, что корпорации «экономили» на учете инфляции.) Небезынтересно отметить, что, невзирая на сложный математический аппарат новых теорий, их содержательное развитие пошло по линии не усложнения, а, скорее, упрощения.

Кризис 2008–2009 гг., как известно, поразил финансовую сферу, интенсивно развивавшуюся в последние десятилетия и создавшую механизмы, распределяющие риск отдельного инвестора на большое количество покупателей производных финансовых инструментов. Эти механизмы хороши до тех пор, пока не возникнут психологически обусловленные массовые однонаправленные движения в поведении экономических субъектов, что и произошло. В качестве первой жертвы кризиса вновь выступила макроэкономика в лице, например, теории реального цикла, видящей причины циклов в шоках, связанных с отдельными факторами производства, и практически игнорирующей финансовую сферу как источник макроэкономической нестабильности. На следующем этапе критике вновь подверглась методология всей неоклассической теории, преувеличивающая рациональность экономических агентов. На авансцене вновь появились фигуры, к которым экономисты обращаются в кризисные времена: Маркс, Кейнс, Шумпетер, Кондратьев и примкнувший к ним Хаймэн Мински.

В настоящее время мы, кажется, можем прогнозировать, что по мере перехода мировой экономики в стадию оживления великие оппозиционеры вновь отойдут на задний план и мейнстрим сохранит свои позиции. Однако есть основания предположить, что этот мейнстрим будет не гомогенным, как после кризиса 1973–1974 гг., а гетерогенным. Здесь кризис может закрепить тенденции, проявившиеся в мейнстриме еще в 1990-е годы.

В настоящее время высказывается мнение, что «парадигма асимметрии информации» сменила неоклассическую парадигму в целом. Здесь все, конечно, зависит от того, насколько широко мы определим неоклассическую парадигму, но важным является сам факт, что экономическую теорию считают возможным разделить по данному признаку. Может быть, имеет смысл говорить более широко о новой микроэкономике, основанной на несовершенстве информации. Такая микроэкономика, конечно, гораздо шире и нового институционализма, и исследований в области асимметрии информации. Несомненно, относится к ней и поведенческая экономика, получившая в последние десятилетия бурное развитие и вошедшая в мейнстрим, о чем говорит, в частности, факт присуждения Нобелевской премии Д. Канеману. Во многом благодаря развитию новой микроэкономике структура мейнстрима современной экономической теории вновь изменилась. Начиная с 1990-х годов и в первое десятилетие XXI в. он вновь стал более гетерогенным, причем разнообразие пришло из микроэкономики. Есть большая вероятность, что этот процесс продолжится и дальше, поскольку последний мировой экономический кризис вновь привлек внимание к излишне абстрактным предпосылкам современной макроэкономической теории, что будет и в дальнейшем способствовать интересу к моделированию сложностей и нерациональностей в поведении экономических субъектов.